

ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА: ВОЗМОЖНОСТИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (Взгляд из лета 1990 г.)

Л. А. Гордон

I

То, что после шахтерской забастовки 1989 г. называется у нас независимым рабочим движением, есть, по сути, самодеятельная активность не только рабочих, но самых разных групп трудящихся, направленная в защиту их интересов как рядовых наемных работников — притом наемных работников государства, которое до сих пор остается в нашей стране гигантским и почти монопольным работодателем. В этом отношении интересы основной массы тружеников решительно отличаются от интересов номенклатуры — хозяйственной администрации, ведомств, партийно-государственного аппарата и других верхушечных групп, фактически распоряжающихся государственной собственностью.

В положении многих промышленных рабочих это различие выступает особенно ясно. В частности, на шахтах оно ощущается почти физически, подобно тому как отличаются те, кто каждый день, рискуя жизнью, уходит под землю, от тех, кто сидит на поверхности, «в конторе», лишь изредка спускаясь в подземелье. Однако объективно разница интересов существует повсюду. Шахтеры записали в резолюции своего I Всесоюзного съезда, состоявшегося в июне 1990 г.: «Наши главные проблемы те же, что и у подавляющего большинства трудящихся». А прошедший немного ранее в Кузбассе Съезд независимых рабочих движений (Новокузнецк, 30 апреля — 2 мая 1990 г.) образовал не рабочий союз, а Конфедерацию труда — объединение, куда открыт доступ всем демократическим организациям трудящихся. Так что, хотя выступления индустриальных трудовых коллективов составляют стержень рабочего движения, коллективные действия воспитателей детских садов Москвы весной 1990 г. или профсоюза инженеров в Харькове также являются его прямой частью. (Тогда как интерфронтовские забастовки на почве национальных распрей связаны с рабочим движением лишь косвенно, скорее по форме, чем по содержанию).

Независимое рабочее движение в СССР находится в самой начальной стадии своего развития. Тем не менее и сегодня есть отрасли и регионы, где в движении регулярно участвуют многие тысячи людей. В июле 1990 г. на призыв шахтеров принять участие в политических забастовках и митингах в поддержку требования создать новое правительство, пользующееся доверием и способное вывести общество из кризиса, откликнулись сотни тысяч трудящихся. Не исключено, что завтра это будут миллионы, если не десятки миллионов. А если не завтра, то послезавтра: социальная среда созрела, и пламя самодеятельной активности может вспыхнуть в любую минуту, охватывая заводы, стройки, институты с такой же быстротой, как это было в 1989 г. на шахтах. Поэтому о тенденциях и перспективах рабочего движения надо задуматься уже сегодня. Тем более что факты прошедшего года и возможность сопоставить их с мировым опытом и с содержанием процессов перестройки делают такие размышления не вовсе произвольными.

Теперь уже нет сомнений, что разворачивающиеся с конца 80-х годов преобразования, если они не будут оборваны насильственным поворотом к прошлому, выводят нашу страну на путь нормального общечеловеческого развития. Успех перестройки будет означать создание общества с регулируемой (социальной, организованной — определения здесь могут быть разные) рыночной экономикой, демократической политической системой и плюралистической

идеологией. Иными словами, мы переходим от чрезвычайности к норме, к тем же устоям современной цивилизации — рынку и демократии, — к которым в нынешнюю эпоху стремится или на которых уже теперь строит свою жизнедеятельность большая часть человечества.

Однако, двигаясь к единой точке социального пространства, разные общества приближаются к ней, так сказать, по различным траекториям. Классический вариант западного развития проходил от примитивного капитализма с богатством немногих и бедностью большинства, от стихийного рынка, от государства, целиком ориентированного на интересы имущих, ко все большему регулированию рыночной экономики, к росту механизмов социальной защиты, обеспечивающих благосостояние основной массы населения, к превращению формальной демократии в демократию социальную.

Нашей стране и многим другим странам, где господствовал монополюбно-государственный социализм, предстоит иной путь. Путь от всеобщего огосударствления, блокирующего любой прогресс, от механической нерыночной организованности всего и вся, гарантирующей большинству прожиточный минимум, но не дающей тому же большинству уйти от нищеты, от государственно-полицейской опеки над человеком, к организованному рынку и социальной демократии. Этот путь проходит через разгосударствление, через приватизацию, через рост политических и культурных свобод.

Идея конвергенции все-таки реализуется если не буквально, в смысле одновременного и симметричного сближения капитализма и социализма, то в более сложной форме разновременных исторических процессов, тяготеющих, однако, к торжеству единой цивилизации. На Западе за последние сто лет произошла постепенная социализация и демократизация капитализма. У нас развитие капитализма "было прервано, и возник противоположный ему монополюбно-государственный, этатистский социализм, система этакратизма, как говорят некоторые наши социологи (такое понятие используется, в частности, В. Радаевым и О. Шкаратаном). Этот строй обеспечил форсированное создание основ индустриального производства и некоторых простейших элементов современной цивилизации. Но его оборотной и неизбежной стороной явились террор против собственного народа, упадок неиндустриальных отраслей, нищета, дегуманизация человеческих отношений, экологический кризис, а в конечном счете — всеобщий застой, «закупорка» сосудов социального прогресса. Теперь нам нужно осуществить демократизацию и своего рода «капитализацию» социализма, или, точнее, той его разновидности, которая сложилась в нашей стране. Страны, где господствовал так называемый реальный социализм, не обязательно должны повторять весь западный путь от дикого капитализма к капитализму цивилизованному. Перед нами открывается иная возможность — не капиталистического, а, если можно так сказать, пост- или послесоциалистического развития.

Точнее, надо бы говорить о послегоссосоциалистическом развитии. Но никакого другого социализма, кроме государственного, в действительности пока еще не было, и никто не доказал, что на чисто социалистических принципах, без соединения с некоторыми элементами капитализма, возможно что-нибудь иное, кроме госсосоциализма. Послесоциалистическое развитие — это движение от раннего, дикого социализма к социализму цивилизованному, рыночному и демократическому, перестающему принципиально отличаться от порядков, уже существующих в наиболее развитых странах Запада. Даже если они называются там не социализмом, а цивилизованным капитализмом, государством всеобщего благосостояния или как-нибудь еще.

Спору нет, реализовать подобную возможность очень сложно. Две опасности подстерегают общество на путях послесоциалистического развития. Одна — нерешительность, неспособность провести достаточно полный демонтаж

государственного социализма, осуществить радикальную демократизацию и приватизацию. Другая — безответственность, легкомысленная готовность ликвидировать всякое социальное регулирование, перейти от всеобщего огосударствления к ничем не ограниченному, примитивному господству частного предпринимательства и тотальной рыночной анархии. В первом случае не будет никакого развития. Во втором — постсоциалистическое развитие обернется стихийным сползанием на уровень раннего капитализма со всеми его бедствиями (что может повести к взрыву, возвращающему общество в тупик). Так что трудно сказать, какая угроза страшнее.

Вот тут-то и уместно обратиться к рабочему движению. Ибо постсоциалистическое развитие делает это движение возможным и вместе с тем ставит рабочих в условия, при которых они объективно заинтересованы в осуществлении наиболее прогрессивных вариантов такого развития. Коренные интересы рабочего класса, всего трудового народа связаны как с продвижением к демократии и рынку (ибо иначе трудящиеся никогда не выйдут из нищеты и прозябания), так и с тем, чтобы это продвижение не осуществлялось исключительно за счет рядовых тружеников. Демократические организации трудящихся способны стать силой, ломающей сопротивление противников реформ и одновременно заставляющей реформаторов сохранять своего рода социальное благоразумие при проведении самых радикальных преобразований. По крайней мере тенденции первого года независимого рабочего движения дают такую надежду.

II

Наиболее перспективна роль рабочего движения в обеспечении социальной защиты. В политических дискуссиях по поводу механизмов защиты на первый план обычно выдвигается разработка соответствующих законов и административных установлений. Исторический опыт свидетельствует, однако, что при всем значении законов еще важнее организация самих трудящихся, их способность отстаивать свои интересы, и в частности добиваться выполнения законов. Сама жизнь больших трудовых коллективов позволяет рабочим создавать подобные организации быстрее всего. Практически это выражается в очевидной тенденции к созданию в рамках независимого рабочего движения или под его влиянием независимых профсоюзов.

На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание. Многие десятилетия официальные советские профсоюзы были не столько защитниками рабочих, сколько вспомогательными «рычагами», «приводными ремнями» партийно-государственного механизма в сфере труда и производства. Еще итоговые протоколы шахтерской стачки 1989 г были подписаны представителями рабочих комитетов, «с одной стороны», правительства и ВЦСПС — «с другой» (так буквально и записано в этих документах). Однако с осени прошлого года и еще заметнее — с весны нынешнего года в руководстве официальных профсоюзов появились люди, стремящиеся к тому, чтобы возглавляемые ими организации постепенно обрели черты подлинно профессиональных объединений, чьей главной задачей является защита трудовых интересов своих членов. Ликвидация ВЦСПС на XIX съезде профсоюзов и принятие ими нового названия — Всеобщей конфедерации профсоюзов — есть наглядное проявление этой тенденции. Она — очевидное следствие подъема рабочего движения.

В некоторых отношениях изменение характера прежних профсоюзов, так сказать, завоевание их стачечными комитетами было бы наилучшим вариантом формирования профсоюзной стороны рабочего движения. Независимые профсоюзы сразу же получили бы богатую материальную базу, развитую организационную структуру, опытные административные кадры. При прочих равных условиях такие профсоюзы смогли бы быстрее образовать эффективную

систему социальной защиты, не допускающую перекалывания всех тягот постсоциалистического развития на плечи трудящихся.

Сложность однако в том, что прочие равные условия зачастую отсутствуют. Десятилетия существования в качестве придатка партийно-государственного аппарата создали в официальных профсоюзах устойчивые идеологические, политические, социально-психологические традиции. Искреннего желания новых руководителей может оказаться недостаточно для того, чтобы преодолеть воздействия подобных традиций и стереотипов. Представляется далеко не случайным тот факт, что на протяжении последних месяцев своего существования ВЦСПС метался между позицией безоговорочной поддержки всех мер, предпринимаемых «сверху», и бессмысленным противодействием самым умеренным шагам по дороге к рынку.

Впрочем, недоверие к старым профсоюзам стало в рабочей среде столь широким и прочным, что, быть может, никакое изменение характера все равно не даст им всеобщей поддержки рабочих. Самые правильные меры не ведут к успеху, если они предпринимаются слишком поздно. Поэтому тенденция к созданию совершенно новых профсоюзов составляет не менее характерную черту независимого рабочего движения, чем попытки перестроить старые.

Знаменательно, что тенденция эта отчетливее всего проявилась у шахтеров— там, где независимое рабочее движение добилось наибольших успехов. I съезд шахтеров СССР прямо заявил, что он «считает необходимым создать действительно независимый профсоюз горняков», поскольку существующий профсоюз, несмотря на все усилия изменить его деятельность, все же «не способен решить поставленные задачи». Следующий II съезд шахтеров, состоявшийся в октябре 1990 г., образовал этот союз, избрал Совет представителей и исполнительное бюро, поручил им добиваться заключения такого генерального соглашения с правительством, которое обеспечило бы рабочим оплату и условия труда, соответствующие действительной стоимости рабочей силы. Попытки создать новые профсоюзы происходят и в других отраслях.

Очень характерно также, что новые профсоюзы яснее, чем старые, сознают и выражают необходимость сочетать защиту непосредственных текущих интересов трудящихся с их коренной, долговременной заинтересованностью в переходе к рынку. В решениях 1-го шахтерского съезда социальные меры рассматриваются как элемент движения к цивилизованной рыночной экономике, а не альтернатива ей. В этих решениях говорится: «Требую создания правительства, которое обеспечит переход к рынку и гарантированную демократию, мы считаем, что такой переход не должен быть чрезмерно болезненным для большинства народа. В нем необходимо предусмотреть механизмы социальной защиты. Особое значение имеет разработка мер по вопросам занятости и безработицы. Мы понимаем, что создание эффективной экономики потребует закрытия и перепрофилирования многих производств. Но мы требуем, чтобы эти вопросы решались гласно, чтобы мы заблаговременно узнавали, какие предприятия, шахты, стройки будут закрываться, чтобы были созданы возможности получения новых профессий, чтобы оставшиеся без работы получали государственное пособие в достаточных размерах. Закрытие убыточных предприятий допускается лишь в случае отказа трудового коллектива взять безвозмездно в коллективную собственность свое предприятие. Методы безвозмездной передачи средств производства следует широко использовать и в других случаях перехода к коллективной, акционерной, индивидуальной собственности.

Очень большое значение для облегчения перехода к рынку может также иметь решительное сокращение военных расходов и помощи другим странам, в особенности тоталитарным режимам. Мы считаем, что только при таких условиях

трудящиеся дадут правительству кредит доверия, без которого никакие реформы невозможны».

Думается, подход к проблеме социальной защиты у шахтеров, создающих новый профсоюз, глубже и конструктивнее, чем у старых профсоюзов, чьи представители месяцами блокировали продвижение законопроекта о занятости, добивались запрета посреднических кооперативов и т. д.

Логически рассуждая, наиболее вероятным в обозримом будущем кажется сочетание профсоюзов, создаваемых заново, с лучшими из преобразованных старых союзов. При этом старые профсоюзы, где сильны традиции эгалитарной идеологии, скорее всего станут выразителями интересов тех групп рабочих, которые хуже всего приспособлены к рынку. Наоборот, новые профсоюзы могут оказаться представителями более квалифицированных, более образованных, более ориентированных на рынок отрядов рабочего класса. Но как бы ни пошло дело дальше, способность рабочего движения формировать и перестраивать профсоюзы есть важнейшее средство поддержания социальной сбалансированности послесоциалистического перехода к рынку.

III

Минувший год подтвердил не только роль рабочего движения в борьбе против чрезмерных тягот послесоциалистического развития. Он показал также, что рабочие организации могут играть политическую роль, определять темпы и самую направленность этого развития. Особенно на нынешнем этапе, когда страна вступает в полосу решающих сдвигов

В революционных процессах, в том числе в реформах революционного типа, подобный этап всегда представляет немалую сложность. Радикальные экономические и политические преобразования, даже если они необходимы и в начале пользуются чуть ли не всеобщей поддержкой, рано или поздно сталкиваются с ожесточенным сопротивлением. Ибо такие преобразования, сокрушая привычные, устоявшиеся порядки, самой своей новизной, почти неизбежным первоначальным опережением разрушительных процессов сравнительно с созидательными, неясностью будущего и действительными опасностями, ожидающими впереди, на каком-то этапе приводят в смятение и оторопь огромные массы людей (в том числе немалую часть тех, кто объективно выигрывает от успеха преобразований). К тому же коренные общественные сдвиги всегда ущемляют интересы некоторых социальных групп.

Соединение настоящих противников перемен с массой «бескорыстно» робеющих создает на определенной стадии коренных преобразований такой уровень общественной поляризации, при котором нет очевидного преобладания ни одной из противоборствующих сторон. Обычно подобный «момент равновесия» наступает накануне главных сдвигов. Раздираемое противоречиями общество как бы застывает в колебании перед решающим шагом

Исход колебаний может быть разным. Либо действия сверху сливаются с массовым движением снизу и обычные реформы перерастают в мирную революцию, в революционную реформу. Либо власть опрокидывается снизу и тогда вместо реформ разворачивается насильственная революция. Либо происходит отказ от коренных изменений и начинается восстановление прежней системы, может быть, в чуть обновленном виде. Возможны самые причудливые смешения вариантов. Одно лишь, к сожалению, в подобной обстановке невероятно — простое продолжение реформ, сравнительно спокойных и управляемых сверху.

Нынешняя особая общественно-политическая роль рабочего движения связана именно с тем, что после нескольких лет перестройки советское общество

оказалось летом 1990 г. в той ситуации поляризации и неустойчивого равновесия, которая столь часто предваряет решающую стадию революционных преобразований.

С конца 80-х годов в нашей стране, постепенно ускоряясь, разворачивается демонтаж монополюбно-государственного социализма. В области политики и в идеологии уже произошли заметные сдвиги. Однако решающие перемены, особенно в экономике на протяжении первых пяти лет перестройки не совершились. Послесоциалистическое развитие началось, но оно еще обратимо. Еще возможен возврат к порочному кругу «дальнейшего» и «неуклонного» совершенствования госсоциализма, к тому, что традиционно называлось социалистическим развитием, строительством социализма и коммунизма.

Похоже, что в 1990 г. мы вступили в полосу перемен, исход которых определит общую направленность перестройки. В экономике может начаться решающая стадия перехода к рынку — будут реализованы (или будут фактически отвергнуты) акты, обеспечивающие свободу хозяйственной деятельности, множественность собственности, возможность приватизации значительной части производства. Начнет (или не начнет) формироваться цивилизованно регулируемый, включающий механизмы социальной защиты, но реальный, действительный рынок капиталов, труда, товаров. Точно так же в политике определится, перерастут ли нынешний плюрализм мнений и свобода высказываний в реальный политический плюрализм, во всеобъемлющую свободу политической деятельности. В главном это зависит от того, будет ли (или не будет) устранена — не только номинально, но и реально — монополия одной партии, станет ли (или не станет) нормой, а не исключением ситуация, возникшая в высших государственно-политических структурах РСФСР, Москвы, Ленинграда, некоторых других регионов.

Если все это произойдет, страна бесповоротно двинется по пути послесоциалистического развития, открывающего перспективу достижения цивилизованного рынка и социальной демократии. Если нет, явная невозможность сохранения административно-командной системы в полуразрушенном виде, когда старые механизмы уже бездействуют, а новые отсутствуют, сделает неизбежным восстановление системы государственного социализма во всей ее полноте и целостности.

IV

Момент равновесия проявляется и в том, что обозначились и в значительной мере осознали себя общественные группы, различающиеся своим отношением к рынку и демократии. За рынок и демократию выступают наиболее квалифицированные слои трудящихся — творческая интеллигенция, ученые, работники научно-информационного производства, которое идет на смену индустриально-фабричному производству в качестве ведущего уклада экономики. Рынок и демократию, в конце концов, готовы принять и многие социально ответственные люди в государственно-политическом руководстве, понимающие бесперспективность попыток улучшения госсоциализма, в особенности те из них, кто чувствует себя в силах продолжать активную деятельность в рамках послесоциалистических отношений. Рыночные отношения, естественно, привлекают новые, еще только рождающиеся слои нашего общества — частных предпринимателей, кооператоров, менеджеров и т. п. Причем привлекают в первую очередь те кооперативы и тех предпринимателей, которые стремятся к цивилизованным формам рыночного хозяйствования: темным дельцам развитие рынка (не говоря уж о демократии) вовсе не выгодно, они предпочитают теневую экономику, дополняющую госсоциализм.

Вместе с тем готовность поддержать решительные шаги по пути к рынку и демократии все яростнее проявляют массы квалифицированных рабочих,

крестьян, рядовых интеллигентов, население крупных городов, молодежь. Собственно, их приверженность демократии была очевидной уже давно. Недаром на выборах 1989 г. — весны 1990 г. именно в крупнейших городах и рабочих центрах демократические кандидаты получили наибольшую поддержку, а провал консерваторов из аппарата и национально-патриотических объединений оказался особенно заметным.

Эти группы требуют — вполне справедливо — создания механизмов социальной защиты. Но они настаивают на создании этих механизмов вместе с развитием полноценного рынка, а не вместо него. Знаменательно, что среди избранных трудовыми коллективами делегатов I и II съездов шахтеров сторонники различных вариантов рыночной экономики составили почти 90 %, тогда как за народное хозяйство, в основе которого лежит прямое планирование, высказалось только 6 %. Почти 60 % делегатов считают, что даже в угольной промышленности должны преобладать акционерные, арендные, кооперативные, совместные, частные формы собственности. Среди остальных, настаивающих на сохранении государственной собственности, большинство говорит о необходимости расширения самостоятельности предприятий.

Столь же недвусмысленно определились интересы противников послесоциалистического развития. Стало окончательно ясным, что демократизация и рынок делают ненужными основные звенья партийно-государственного и ведомственно-отраслевого аппарата. В условиях рынка нет места для хозяйственных министерств, главков, трестов, как и для парторганизаций, контролирующих администрацию предприятий. При демократии невозможно существование партийных комитетов и общественных организаций, содержащих сотни тысяч платных работников. Более того, сами профессиональные навыки и умения управленцев этого рода вряд ли понадобятся в демократической стране с рыночной экономикой. Из солидных и высокоценных специалистов они превратятся здесь в людей без профессий и навыков, которым еще только предстоит завоевывать место в обществе.

Против всеобъемлющего рынка и те, кто стоит у источников распределения. Вопреки обыденным представлениям воротилы черного рынка вовсе не так уж заинтересованы в установлении свободной рыночной экономики. В рамках ограниченных товарных отношений они, будучи хозяевами дефицита, заведомо занимают сильные позиции. В условиях свободного рынка их ждет конкурентная борьба, к которой они не привыкли и где многие из них явно потерпят поражение.

Наконец, надо ясно видеть, что ожидание тягот, связанных с отказом от госсocialизма и переходом к рынку, возникает также у большой части рядовых тружеников. Рынок в конечном счете улучшает жизнь подавляющего большинства народа. Но он требует от массы людей труд иного типа, иной напряженности и ответственности, нежели тот, к которому мы привыкли. С преодолением государственного социализма исчезнут условия, когда невозможность для большинства трудящихся добиться — при любых условиях — высокого уровня жизни сочетается с гарантированностью нищенского минимума, получаемого фактически вне зависимости от трудовых усилий. Только рынок создает возможность соизмерять результаты труда и вознаграждать работника в соответствии с ними. Но в массе случаев вознаграждается здесь очень напряженный труд. Естественно, что приспособление к труду в рыночной системе, к действительному соревнованию и действительно интенсивной работе, к необходимости быть готовым менять профессию и искать новое рабочее место — все это делает восприятие плодов разгосударствления весьма непростым.

Особенно трудно придется малоквалифицированным и хуже образованным работникам, жителям захолустья, просто пожилым или не вполне здоровым людям. Разумеется, и для этих групп сохранение госсocialизма будет бедствием более жестоким, чем его демонтаж. Но все же именно они ощутят сложности

становления рыночного хозяйства первыми и сполна, а преимущества свободного общества — последними и частично. А ведь таких людей десятки миллионов.

К тому же среди квалифицированных работников также есть категории, чьи потери при переходе к рынку будут, так сказать, выше средних и чье отношение к такому переходу бывает потому весьма противоречивым. Предприятия военно-промышленного комплекса, например, в нормальных рыночных условиях (да еще при демократических политических порядках), скорее всего лишатся большинства преимуществ, которые им предоставляло административно-командное планирование. Более того, необходимость быстрой конверсии поставит их в трудное положение сравнительно с прочими отраслями. Неудивительно, что среди активистов инициативного съезда российских коммунистов, зарекомендовавших себя яростными противниками рыночных реформ, много рабочих и партийных работников с военных заводов.

Таким образом, социальные интересы в нашем обществе поляризовались ныне достаточно явно, причем оба пути — и рывок к рынку и демократии, делающий постсоциалистическое развитие необратимым, и полный отказ от такого развития, сохранение на неопределенное время госсocialистической системы — могут получить массовую поддержку.

Впрочем, «могут» не значит, что обязательно получат. Следует помнить о существенном различии объективной природы интересов, обуславливающих позиции сторонников и противников постсоциалистического развития. Движение к рынку и демократии отвечает коренным, фундаментальным интересам творческой интеллигенции, квалифицированных рабочих и служащих, молодежи, кооператоров, а также фермеров, арендаторов, предпринимателей, если они появятся в нашем обществе

В то же время антирыночные и антидемократические устремления имеют действительно глубинную, неустранимую основу лишь у аппарата и связанных с ним групп, в общем и целом не слишком многочисленных (меньше 10 % населения). Что касается массы менее квалифицированных рабочих, крестьян, интеллигентов, пожилых людей с более низким уровнем образования, составляющих главную часть тех, кто проявляет опасливое отношение к рынку, их настроения обуславливаются лишь некоторыми, зачастую неглавными интересами. Как свидетельствует мировой опыт, рыночно-демократическое развитие в долговременной перспективе если и ухудшает положение сколь-нибудь широких слоев народа, то в относительном смысле, т. е. по сравнению с другими группами населения. Абсолютно же, в обыденном смысле, большинство трудящихся живет в условиях рынка и демократии лучше, чем при госсocialизме. Это не «райская» жизнь, но она богаче, культурнее, свободнее, чем у нас или в государствах Восточной Европы. И так обстоит дело даже в Греции, Испании, Португалии, Мексике и других странах среднего уровня, не говоря уже о более развитых, посткапиталистических обществах.

Объективное положение основных социальных групп в советском обществе создает определенную возможность возникновения массовой базы антирыночных и антидемократических настроений, но отнюдь не делает широкое распространение подобных настроений неизбежным или устойчивым и длительным. Количественное равновесие, к которому тяготеет общество накануне главных сдвигов, вовсе не является непреодолимым.

Неабсолютность равновесия наглядно иллюстрирует фактические пропорции размежевания общества по поводу отдельных событий в первой половине 1990 г., т. е. в месяцы, когда решительный шаг к отходу от госсocialизма был (или казался) назревшим, но все-таки еще не был сделан. Эти месяцы дают многочисленные примеры размежевания в сопоставимых масштабах, когда по обе стороны оказываются представители достаточно больших социальных групп

Очень показательны опросы общественного мнения, свидетельствующие, что массовое сознание по многим существенным общественно-политическим проблемам раскалывалось примерно пополам. И происходило это зачастую потому, что оценки аппаратных верхов совпадали с настроениями профессионально и культурно наименее развитых низов народа. Но в эти же месяцы представители практически всех массовых социальных групп объединялись против номенклатуры. Скажем, во многих поименных голосованиях на первом Съезде народных депутатов РСФСР голоса обычно делились таким образом, что на одной стороне оказывались почти вся высшая партийно-государственная, хозяйственная, военная элита (90—95 % депутатов из этих категорий) и половина руководителей среднего звена (50—55 %), а на другой — подавляющее большинство представителей остальных социальных групп (60—80 % Расчеты А. А. Собянина и других).

V

В обстановке неустойчивого равновесия интересов, подобного тому, какое сложилось у нас летом 1990 г., ход и исход событий определяются не столько соотношением социальных групп, сколько борьбой политических сил, имеющих в данный момент в данном обществе. Конечный итог зависит от конкретных общественных движений, организаций, институтов, действующих на политической арене. Важность рабочего движения в таких условиях объясняется как раз тем, что оно образует потенциально едва ли не самую мощную политическую силу демократии.

Пока что рабочее движение, или, вернее, движение трудовых коллективов, составляет в основных регионах нашей страны практически единственную форму вовлечения масс в активную политическую жизнь. Как сказал на съезде независимых рабочих движений в Новокузнецке В. Голиков, год назад — слесарь на шахте, а сегодня — председатель Совета рабочих комитетов Кузбасса и депутат облсовета, «будучи частью демократической общественности, независимые рабочие движения и организации занимают и будут занимать свое самостоятельное место, ибо они теснее всех связаны с трудовыми коллективами, с рабочей массой».

Разумеется, это утверждение рабочего лидера требует пояснения. Из собственной истории, да и из истории других стран, мы знаем, что узкоклассовый подход к формированию государственно-политических организаций сыграл существенную роль в утверждении авторитарного режима в нашей стране. Этот подход явился немаловажным идейным фактором, сделавшим невозможной или отодвинувшим на три четверти века демократическую эволюцию большевизма. Современная общественная жизнь зрелых демократий тоже убеждает, что массовые демократические партии и движения, как правило, строятся на широкой и разнообразной социальной базе. В будущем, когда и если такая демократия сложится у нас, специальное общественно-политическое значение именно рабочего движения, рабочих организаций сойдет на нет. Политические организации будут объединять сторонников тех или иных политических программ и взглядов. А массовые различия взглядов в сложных современных обществах лишь косвенно, через много опосредований и очень приблизительно связаны с социальной принадлежностью. На поверхности политической жизни эти различия далеко не совпадают с ней. Надо думать, и в нашем будущем рыночно-демократическом обществе в основном профсоюзы и близкие к ним формирования останутся отдельными организациями рабочих, крестьян, служащих. Что же до политических объединений, прогрессистских или консервативных, левых или правых, в них будут входить представители разных социальных групп.

Однако на ранних этапах постсоциалистического развития дело обстоит иначе. В нашей стране, где переходу к демократии предшествовало семь

десятилетий всеобщего огосударствления, нет подлинного гражданского общества, нет развитой системы свободных связей между людьми, традиций и привычек к политической самоорганизации в рамках местных общин, городов, регионов. Отсутствие этих связей сравнительно легко преодолевается небольшими группами политических активистов (журналистов, ученых, тем более что в этой среде сохраняются кое-какие элементы гражданского общества). Но массе простых людей, если на них не действует какое-то внешнее объединяющее обстоятельство вроде национального противостояния, организовать непросто. Поэтому большинство наших самостоятельных общественно-политических образований, кроме тех, что появились в районах национальных конфликтов, составляют по преимуществу верхушечные формирования, нечто вроде армии с генералами, но почти без солдат.

В современных условиях там, где нет специфических национальных факторов, трудовые коллективы едва ли не единственная социальная система, в ячейках которой вероятнее всего возможно установление массового и регулярного общественно-политического взаимодействия большинства рядовых людей. В этих коллективах вероятнее всего успешное развитие независимых политических организаций, где активно станут действовать не одни только образованные, сознательные, начитанные специалисты или рабочие-интеллигенты, но и сегодняшние простые люди. Такие, какими они являются теперь: в массе своей не очень грамотные, не привыкшие брать ответственность на себя, подчас пассивные, а то и не очень трезвые. Другого народа сейчас нет, и страна избежит катастрофы, если в демократический процесс включится этот народ, общественная жизнь которого течет в трудовых коллективах. Или катастрофа станет неотвратимой.

Социальная роль трудовых коллективов как раз и обуславливает особое место рабочего движения в общественно-политической жизни теперешнего советского общества. Ибо, как уже говорилось, то, что мы называем сегодня независимым и демократическим рабочим движением, есть по преимуществу движение трудовых коллективов. Не просто объединение индивидов, придерживающихся общих взглядов, как это бывает в большинстве других демократических организаций, но объединение рядовых работников, связанных, помимо общности устремлений, еще и общностью работы на одних и тех же заводах, фабриках, шахтах, стройках, в институтах.

Это движение называется рабочим по славной и привычной для нас традиции и еще потому, что рабочие составляют теперь абсолютное большинство народа — примерно 2/3. Но фактически в движении участвуют работники самых разных профессий — рабочие, инженеры, служащие. Недаром независимые организации и движения, первоначально называвшиеся рабочими, все чаще говорят о себе как о движениях и организациях трудящихся. В документах новокузнецкого съезда понятия «независимые рабочие организации» и «организации трудящихся» употребляются почти как тождественные.

Соответственно, пока будут сохраняться условия, в которых вовлечение масс в общественно-политические действия легче всего происходит в трудовых коллективах, будет оставаться и место для самостоятельных общественно-политических движений и организаций рабочих, всех трудящихся, даже если их программы практически не отличаются от программ демократических партий и общегражданских демократических объединений.

VI

Как говорилось выше, коренные интересы подавляющего большинства членов общества едины. В конечном счете уничтожение авторитарных порядков, всеобщего огосударствления улучшит жизнь почти всех групп населения.

Однако — в этом состоит одна из социальных ловушек всеобщего огосударствления — административная система построена таким образом, что практически все работники управления в повседневной жизни выступают по отношению к рядовым работникам как носители отчужденной власти, как «начальство», обрекающее остальных на подчинение, бесправие и нищету. Большинство управленцев само бесправно, и их положение в принципе не лучше, чем у остальных работников. Но в обыденном сознании их воспринимают как представителей внешней, угнетающей силы.

В некотором смысле сходное положение складывается и в области культурных различий. С точки зрения образованности, основных жизненных ценностей, глубинных традиций, даже пороков (того же пьянства!) население основных регионов СССР представляет довольно однородную массу (по крайней мере в пределах единых национальных общностей). Коренные культурные отличия интеллигенции от рабочих (составляющих ныне большую часть народа) у нас, пожалуй, меньше, чем в Европе. В этом смысле мы ближе к США. Вообще будем помнить, что советская интеллигенция и советский аппарат в буквальном смысле, по происхождению, плоть от плоти рабочих и крестьян.

Однако государственная монополия в экономике и авторитарный политический режим, лишив рабочих нормальной для индустриального производства возможности коллективно отстаивать свои интересы, резко ухудшили условия их труда. Сравнительно с Западом большинство трудящихся живет у нас плохо. Но отставание условий труда, производственного быта вообще у рабочих и крестьян все же сильнее, чем у интеллигенции. Неустрашимое сегодня различие в содержании преимущественно умственного и преимущественно физического труда до сих пор остается у нас одновременно различием «чистого» и «грязного» труда. Сравнительно высокая образованность многих рабочих, особенно молодых, их общекультурная близость к массе инженерно-технических работников заставляют чувствовать это различие особенно остро.

В итоге в рабочей и крестьянской среде ощущение культурно-психологического отдаления от рядовой интеллигенции оказывается много сильнее реальных социально-экономических отличий. Уже слабеющая, если не исчезающая на Западе, разница между «белыми» и «синими» воротничками пока еще остается у нас очень заметной. Для многих рабочих чуть ли не все служащие выглядят «контрой», собранием бездельников и паразитов, живущих за народный счет.

Это представление не соответствует тому, что есть на самом деле. И наиболее сознательные активисты рабочего движения понимают безосновательность подобных ощущений. В документах новокузнецкого съезда специально подчеркивается, что «рабочее чванство не лучше высокомерия интеллигенции и администрации».

Но рациональные представления — это одно, эмоции и ощущения — другое. Сегодня известная степень психологического отчуждения рабочей среды от интеллигенции есть объективный факт, одна из черт нынешнего состояния массового сознания. Это означает, что в течение какого-то времени масса трудящихся будет придирчиво следить за теми, кто возглавляет и представляет движение трудовых коллективов. С этой точки зрения сегодня объяснимо и, видимо, неизбежно существование особого движения — общедемократического по целям и преимущественно рабочего по составу своих участников и руководителей.

Конечно, тут есть определенная опасность раздробления демократической собственности. Но в демократической ветви рабочего движения видят эту опасность. Лишь номенклатуре, говорится в принятых на Новокузнецком съезде

документах Конфедерации труда, «выгодно поддерживать отчужденность рабочих и интеллигенции, их настороженность, недоверие друг к другу. Мы заявляем и предостерегаем: без связи с демократической интеллигенцией у рабочего движения нет будущего. Мы победим казарменно-бюрократическую систему, обеспечим глубину и реалистичность выдвигаемых задач, избежим экстремизма в методах, если будем действовать в союзе с профессионально грамотной и граждански ответственной интеллигенцией».

Думается, что именно такая позиция будет лучше всего способствовать органическому включению движения трудовых коллективов в общую борьбу за демократизацию нашего общества и вместе с тем (наряду с объективным смягчением различий в условиях «чистого» и «грязного» труда) поведет в конце концов к преодолению элементов социально-психологического отчуждения рабочих от интеллигенции, которые достались нам в наследство от монополично-государственного социализма.

То обстоятельство, что в состав демократической общественности в нашей стране входит рабочее движение, выступающее как движение трудовых коллективов, может придать демократии дополнительную силу. В наших условиях трудовые коллективы, объединившись, оказываются достаточно мощными организациями, чтобы сломить сопротивление групп и институтов, противящихся демократическим преобразованиям. И одновременно они достаточно организованны, чтобы при правильном понимании своих задач, при союзе с другими группами демократии добиться этого без насилия. Трудовые коллективы в такой стране, как наша, если они действительно едины, слишком могущественны, чтобы кто-нибудь смог долго сопротивляться их объединенному движению.

Конечно, не стоит питать чрезмерных иллюзий. Быстрое и полное единство абсолютно всех трудовых коллективов, парализующее всякое противодействие противников преобразований, маловероятно. Скорее, следует ожидать единства частичного, неполного. Но и при этом условии демократическое рабочее движение может выступить одним из самых важных ускорителей перестройки и вместе с тем одним из самых эффективных ее стабилизаторов, действенных факторов сохранения организованности и мирного характера преобразований.

Укорененность рабочего движения в крупных трудовых коллективах существенна, помимо всего прочего, еще и потому, что трудовые коллективы в нашем обществе легко образуют элементы власти. Они как бы отпочковывают от себя организационные структуры, которые встраиваются в систему существующей власти или складываются в систему параллельных, дополнительных распорядительных и контрольных органов.

Фактически именно такое положение сложилось во время стачки 1989 г. в основных угольных бассейнах страны. В Кузбассе и отчасти Воркуте оно стало постоянным (во всяком случае, сохранилось до лета 1990 г.). Рабочие комитеты (бывшие стачкомы) превратились здесь в органы, куда население обращается наравне с Советами и официальными административными учреждениями и которые постоянно взаимодействуют с этими последними.

Демократическая общественность трудовых коллективов вполне сознает эту свою способность непосредственно участвовать в создании новой социальной организации и новой структуры власти в нашем перестраивающемся обществе. Она понимает значение самоуправления и думает о том, как практически осуществить свое участие в нем. «Мы не надеемся на добрых вождей и заботливых номенклатурных руководителей, — записано в Декларации основных принципов Конфедерации труда. — Мы выступаем не за обновление кадров при сохранении прежнего характера и прежней структуры власти, а за смену командно-карательных методов управления демократическими. Мы будем

отстаивать право трудящихся на историческое творчество, на поиск и создание новых способов рабочего и народного управления там, где старые бездействуют или действуют вопреки воле и интересам трудящихся. Мы добиваемся признания права трудовых коллективов создавать рабочие (стачечные) комитеты и их объединения, а также права рабочих комитетов действовать до тех пор, пока трудовые коллективы считают это необходимым. Мы выступаем за создание снизу полновластных органов самоуправления. Параллельные (дополнительные) властные структуры — один из факторов мирного развития революции».

Общественная жизнь идет по своим законам, а не по «нашему хотению». Страна вступила в полосу революционных преобразований, неизбежно связанных с острыми столкновениями и катаклизмами. Социально-политические конфликты здесь неотвратимы, на нынешнем этапе их нельзя обойти. Однако можно учесть уроки межгосударственных противоречий, с которыми мир столкнулся во второй половине XX века. Мировому сообществу не удалось предотвратить глобальный конфликт. Тем не менее оно сумело придать антагонизму форму «холодной» войны, которая все-таки никак не сравнима с войной «горячей».

Судя по ситуации лета и осени 1990 г. (когда пишутся эти строки), нам вряд ли удастся полностью избежать революционного катаклизма, совершенно не допустить смуты и разрухи. Но можно и должно сделать все, чтобы революция была «холодной», а не «горячей». Организованное рабочее движение — один из главных факторов, позволяющих надеяться на «холодный» вариант развития нашей революции.